УДК 821
ББК 83

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-2-32-41

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ДЕТЕКТИВА В ЛИТЕРАТУРАХ НАРОДОВ РОССИИ (Ш. Ш. Идиатуллин, И. И. Ханипаев)

Р. Х. Шаряфетдинов

Аннотация. *Современные произведения детективного жанра в литературах народов России, с одной стороны, продолжает традиции родных литератур, транслируя и раскрывая элементы национальной культуры, быта, верований, с другой стороны, русскоязычное творчество значительно расширяет читательскую аудиторию, а сами произведения соответствуют современным тенденциям российской литературы (прием визуализации, сценарная природа текста, использование социальных сетей и т. д.). В данном контексте в центре нашего научного внимания детективные романы современных русскоязычных писателей: «До февраля» (2023) татарского писателя Ш. Ш. Идиатуллина и «Холодные глаза» (2022) аварского писателя И. И. Ханипаева, в которых обнаруживаются как художественные черты современной литературы (историзм, фотографичность, визуализация и т. д.), так и элементы национальной культуры, религии, менталитета народов Российской Федерации, а также поднимаются острые вопросы современности национальной культуры (незнание языков, плохое знание этнокультурных, конфессиональных особенностей и национально-культурной специфики и др.).*

Ключевые слова: *национальный детектив, Ш. Идиатуллин, И. Ханипаев, идиостиль, культура, менталитет.*

Для цитирования: *Шаряфетдинов Р. Х.* Особенности современного русскоязычного детектива в литературах народов России (Ш. Ш. Идиатуллин, И. И. Ханипаев) // Наука и школа. 2025. № 2. С. 32–41. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-2-32-41.

© Шаряфетдинов Р. Х., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

FEATURES OF THE MODERN RUSSIAN-LANGUAGE DETECTIVE STORY IN THE LITERATURES OF THE PEOPLES OF RUSSIA (Sh. Idiatullin, I. Khanipaev)

R. Kh. Sharyafetdinov

Abstract. *The modern texts of the detective genre in the literatures of the peoples of Russia, on the one hand, continue the traditions of native literatures, transmitting and revealing elements of national culture, everyday life, beliefs, and on the other hand, Russian-language creative works significantly expand the readership, and the works themselves correspond to modern trends in Russian literature (visualization technique, the scenic nature of the text, the use of social networks, etc.). In this context, the focus of our attention is on detective novels by modern Russian-speaking writers: «Until February» (2023) by the Tatar writer Sh. Idiatullin and "Cold Eyes" (2022) by the Avar writer I. Khanipaev, where both artistic features of modern literature (historicism, photography, visualization, etc.) and elements of national culture, religion, and the mentality of the peoples of the Russian Federation are revealed in this way, as well as acute issues of the modernity of national culture are raised (ignorance of languages, poor knowledge of ethnocultural, confessional characteristics and national cultural specifics, etc.).*

Keywords: *national detective story, Sh. Idiatullin, I. Khanipaev, idiostyle, culture, mentality.*

Cite as: Sharyafetdinov R. Kh. Features of the modern Russian-language detective story in the literatures of the peoples of Russia (Sh. Idiatullin, I. Khanipaev). *Nauka i shkola.* 2025, No. 2, pp. 32–41. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-2-32-41.

Современные произведения литератур народов нашей страны, являясь неотъемлемой частью общероссийского литературного процесса, с одной стороны, продолжают традиции национальной литературы, транслируют и раскрывают культурные особенности народов, а с другой, написанные на русском языке, соответствуют общим тенденция современных текстов. Наблюдения такого рода характерны и для русскоязычных произведений детективного жанра, который не является новым для национальных литератур нашей страны.

Так, к примеру, особенностью адыгейского детективного романа В. Тлецери «Южный крест» становится реалистическая основа с элементами фантастики, которые проявляются в том, что герой, расследующий дело, наделяется невероятными интеллектуальными способностями [1], национальная специфика детектива в этом случае заключается в этнической принадлежности героев, проявляющаяся в деталях их повседневной жизни. Характерными признаками детективной традиции в литературах народов Дагестана является внимание к системе персонажей и тесная связь национальной культуры с российской и советской [2, с. 21–25]. Фактически дагестанская литературная традиция формировалась в русле советской культуры, что до сих пор ощущается в национальной литературе, в том числе и детективной. В детективном жанре в татарской литературе, история которого насчитывает уже более ста лет [3, с. 176], отмечается активное взаимодействие с русской культурной традицией, а национальный компонент часто представлен социально-философскими размышлениями, внесюжетными элементами с апелляцией к истокам национальной культуры и обращением к старшему поколению, выступающему хранителем традиций.

В данном контексте роман «До февраля» (2023) современного татарского русскоязычного писателя Шамиля Шаукатовича Идиатуллина (1971 г. р.) и его творчество в целом привлекает внимание исследователей и читателей: в 2011 г. за роман «СССР (тм)» автор получил премию имени В. И. Савченко «Открытие себя» на Международной ассамблее фантастики «Портал»; в 2017 г. широкую известность автору принес роман «Город Брежнев», за который писатель стал лауреатом премии «Большая книга». Журналистский и редакторский опыт Ш. Идиатуллина проявился в опубликованных ранее произведениях: поднимающим вопросы межнациональных отношений романе «Татарский удар» (2005), жанр которого характеризовался критиками как «политическая фантастика»[1], отмечающими в нем «четкий, хорошо продуманный и прописанный сюжет», «легкий язык и речь персонажей, пересыпанную татарскими словечками»[2], наряду с этим, однако, считающими, что автор «перегнул с национальным колоритом», насытив текст слишком большим количеством татарских имен и фамилий, национальными блюдами. Неудачным критик Т. Латыпов считает и прием написания татарских слов на латинице[3].

Ярким примером идиостиля писателя, раскрывающего татарскую культурную идентичность и мифологию тюркских народов, стал роман «Убыр» и его продолжение «Убыр. Никто не умрет», удостоенный в 2013 г. Международной детской литературной премии им. В. Крапивина. Данное произведение, в котором ярко проявились черты современной литературы (историзм, фактографичность, фабульная напряженность, динамически развивающийся сюжет, прием визуализации), нашло отражение в исследованиях Т. М. Колядич [4, с. 23–30], В. Р. Аменевой [5, с. 219–229]; Р. Х. Шаряфетдинова, Л. М. Сафиной [6, с. 69–74], А. Н. Набиуллиной, рассматривающей прозу Идиатуллина с точки зрения феномена транскультурации [7, с. 211]; Д. Ю. Сырысевой, анализирующей приметы магического реализма в современной татарской прозе [8, с. 283] и др. Последующие романы: «Город Брежнев» (2017), в котором, по мнению Т. М. Колядич, доминантными являются мотивы «преступления, вины и наказания» [9, с. 284], роман «Бывшая Ленина» (2019) можно отнести к зрелой прозе, они были опубликованы уже на волне читательского и профессионального ожидания. В данных романах исследователи выделяют особые способы представления картины мира: «авторские описания, внутренняя речь героев, монологическая и диалогическая речь как главное характерологическое средство, доминация временных деталей, выявление элементов жанрового синтеза» [10, с. 11], аллюзий на классические произведения русской литературы, в особенности на роман Ф. М. Достоевского, который рассматривается как образец детективной литературы [9, с. 284].

Данные аллюзии и приметы авторского стиля особенно ярко обозначаются также и художественными средствами в романе «До февраля» (2023): жанровый синтез, точные приметы постковидной действительности (маски, санитайзеры и т. п.), прием *визуализации*, коммуникации и вовлечения читателя, *кинематографичность*, «с преимущественно монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами, изображается динамическая ситуация наблюдения» [11, с. 136] (к примеру, описыва-

[1] *Некрасов С.* Шамиль Идиатуллин «Татарский удар» (Если. 2005. № 5) // «Русcія». Рецензии. URL: http://idiatullin.ru/ts_smi/ (дата обращения: 27.12.2023).

[2] *Кавеева О.* Рец. на кн.: Идиатуллин Ш. Татарский удар (Шалтай-Болтай. 2006. № 31) // «Русcія». Рецензии. URL: http://idiatullin.ru/ts_smi/ (дата обращения: 27.12.2023).

[3] *Латыпов Т.* Взятие Казани. Часть вторая: ракетно-бомбовый удар (Время и деньги, 6.03.2006) // «Русcія». Рецензии. URL: http://idiatullin.ru/ts_smi/ (дата обращения: 27.12.2023).

ется накрытый в ожидании гостей стол: «Помидоры, фенхель и лук заняли весь стол, будто тактическая схема из кино про Чапаева. Чеснок, кулечки с шафраном и горошинами перца держались обозом, и отдельным лесом для засадного полка выглядела гряда тимьяна, петрушки и прочей зелени» [12, с. 4]). Усилению изобразительного потенциала текста также способствует его отчетливо присутствующая сценарная природа романа, сюжет которого, по словам самого автора, изначально возник в форме сценария.

В центре изображения детективной истории – вымышленный типичный город Сарасовск, где происходят загадочные серийные убийства, совершенные человеком, называющим себя «Змей». Обнаруженная в архивах журнала «Пламя» рукопись преступника, подписывающегося псевдонимом «Недостойский» – еще один элемент аллюзии на роман Ф. М. Достоевского.

Выбрав местом действия вымышленный город, в котором можно обнаружить черты целого ряда крупных российских городов, Ш. Идиатуллин раскрывает типичные проблемы современности народов России: потерю национальной идентичности и связи с родной культурой (у большинства героев русские имена), незнание или плохое знание родных языков. Наряду с этим, так же как и в романе «Убыр», речь героя, являющегося носителем двух лингвокультур, насыщена сленгом («фигня», «лузер», «дрищ» [12, с. 11, 22, 30] и т.д.), заимствованиями, англицизмами (“seriusly”, “Under Armour”, “Girl’s power” [12, с. 31, 53, 77] и т.д.), ненормативной лексикой, но, важно отметить, в момент опасности обращается именно к национальной культуре, вспоминая своих предков: «На пятом было тихо, темно и, казалось, безопасно – но только казалось, потому что ни отсырелость, ни пережаренный картофан, который, Руслан вдруг вспомнил, *абика*, отцова бабушка, называла както прикольно, забыл слово, – не передавливали какой-то странный для лестничной клетки запах» [12, с. 348].

Текст романа наполнен и описаниями ощущений различного типа: зрительными картинами, звуками, запахами, которые вызывают воспоминания и предчувствия. Активно задействует автор такие свойства художественного текста, как *ретроспекция* (возврат к фактам, излагавшимся ранее в тексте): «Мужчина стер текст и перешел в режим ожидания. Он умел ждать, отслеживать перемены и использовать обстоятельства. В этом отношении за четырнадцать лет ничего не изменилось. Он и сам не слишком изменился с тех пор, хотя даже Наташа, которая до сих пор время от времени видела его в кошмарных снах, вряд ли узнала бы его. Ведь видела она только черное худи, которое убийца ее матери с тех пор не носил» [12, с. 37] и *проспекция* (информация о том, что будет происходить в будущем, в последующих частях текста, помогающие обратить внимание не только на результатах, но и на их причинах): «Он строго посмотрел на трубку и опустил ее на рычаги. На о́кна вокруг дверного тамбура он не смотрел. И даже если бы смотрел, не увидел бы, конечно, сквозь отражающее холл стекло человека в темной одежде, неторопливо переходящего улицу и хромающего все заметнее по мере приближения ко входу. И уж тем более не разглядел бы, как человек в такт шагам потряхивает правой рукой в белой строительной перчатке, и между пальцами через раз высовывается черенок чайной ложки, заточенный, как клинок» [12, с. 58].

Ярким примером игры стереотипами публичного журналистского и литературного дискурса произведения Идиатуллина являются также формирование читательских ожиданий, использование в романе сложившихся шаблонов массовой культуры («Декстер», «Харри Хол» [12, с. 56] и т. д.), разговорной и ненормативной лексики.

Роман характеризуется активным авторским созданием напряженности: как в названии произведения (до этого срока должен быть подготовлен номер обновленного литературного журнала, что придает ощущение временной ограниченности: «главное, чтобы первый номер вышел до февраля» [12, с. 19]), так и большим количеством без логической связи следующих друг за другом событий детективного характера, которые пугают героев и читателей.

Действенным средством усиления напряженности в романе также становится присутствие и активное воздействие убийцы не только в описываемых событиях прошлого, но и в настоящем, когда Змей активно контактирует с героями в виртуальном пространстве, таким образом обозначая свое присутствие, но не раскрывая себя.

Массовые убийства, имитирующие действия маньяка, оказываются следствием холодного расчета Змея, который не смог остановиться и продолжил убивать. Взятый убийцей псевдоним представляется также неслучайным: мифологический образ Змея (змеи), который «олицетворяет злое начало в природе» [13, с. 213], представленный почти во всех мифологиях [14, с. 468], обладает магнетической силой, символика которого амбивалентна и многозначна, что может относиться как к образу в целом, так и к отдельным его характеристикам (извивание и обвивание жертвы, сбрасывание кожи, угрожающее жало, волнообразная форма тела, шипение и т. д.) и, с одной стороны, приобретать символику опасности, агрессии, с другой – могущества и мудрости. Кроме того, как известно, трансрелигиозный образ Змея представляется причиной первородного греха, олицетворением зла.

Открытым во многом остается и финал детектива: несмотря на то, что расследование завершено, будущее героев, которым ничто не угрожает, туманно и непредсказуемо, у них остается немного времени. До февраля.

Учитывая вышесказанное, подводя промежуточные итоги, смеем предположить, что обращение к национально-культурным элементам татарского народа, ставшим неотъемлемой чертой ранних произведений Ш. Идиатуллина (технотриллера «Татарский удар» (2005), мистического триллера «Убыр» (2012), его продолжения «Убыр. Никто не умрет» (2013)), все меньшее отражение находят в произведениях зрелой прозы автора (романах «Город Брежнев» (2017), «Бывшая Ленина» (2019), «Последнее время» (2020), сборнике «Все как у людей» (2021)).

Имя Ислама Иманалиевича Ханипаева (1990 г.р.), аварского режиссера и сценариста из Махачкалы, писателя поколения «тридцатилетних» [15, с. 104–110], стало известно в российских литературных кругах после получения им премии за повесть «Типа я» (2021) – истории взросления дагестанского мальчика, насыщенной специфическими реалиями аварской культуры (изображением религиозных правил одежды, правил взаимоотношений между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, особенности жизни в горных селениях), деталями, характеризующими повседневность современного Дагестана, что произвело впечатление на российских читателей, критиков и книжных блогеров.

Позже были опубликованы другие романы: «Большая суета» (2022), жанр которого определяется как «сатирическая новогодняя сказка в духе Бакмана» (определение издательства «Альпина-Проза»), отсылая таким образом к творчеству популярного шведского писателя, а также самый читаемый на данный момент роман писателя – «Холодные глаза» (2023), называемый жестким нуарным триллером, представляемый издательством как книга, в которой соединяются элементы остросюжетного детектива и психологической прозы [16, с. 109–112]. По сюжету молодой журналист случайно становится участником рас-

следования зверского массового убийства в отдаленном горном селе. Это расследование, в котором главный герой Арсен сопровождает следователя Заура, тянется через годы: детективная история, начинающаяся в 2014 г., продолжается в 2019-м и заканчивается в 2022 г., «выстроена великолепно: зверское убийство, неоднозначные результаты расследования, толпа, требующая срочной и кровавой расправы над подозреваемым, арест невиновного, убийца, оставшийся на свободе, и главный герой, который зациклился на деле, попав в психологическую ловушку» [17].

Несмотря на то что завязка романа происходит в безымянном горном селе Дагестана, описание напоминает современные скандинавские детективы: заснеженные горные вершины, отдаленное место, относительно ограниченный круг подозреваемых и сложные взаимоотношения участников действия, корни которых тянутся из прошлого («Мы сидели у окна и могли созерцать прекрасную, но мрачную панораму села и нависающих над ним грозных снежных гор. Я ощущал их присутствие, как будто сквозь туман за нами наблюдали молчаливые каменные гиганты, судьи, не понимающие, в чем смысл суеты этих букашек...» [18, с. 103]). Герои, попадающие в горный аул, несмотря на их усилия в раскрытии преступления, для местных жителей все же остаются чужаками. Художественные детали помогают автору как показать взаимосвязь, так и раскрыть существующие противоречия между прошлым и настоящим, городом и селом, стариками и молодежью.

Само общество Дагестана, где «никто не играет по правилам» [18, с. 235] в романе условно делится на жителей города (Махачкалы) и горных сел. Так, сельские жители, в том числе молодежь, преимущественно строго придерживается религиозных правил в *одежде*, *поступках* («где молодежь прячется, чтобы покурить, и хотя бы пытается контролировать речь при старших» [18, с. 156]), менее расположены к продвижению по карьерной лестнице, хуже знают русский язык, в селе «свой аварский [язык]» [18, с. 75]. Так же как жизнь в селе более закрыта от окружающих, а жизнь семьи «нас и тебя тоже не касаются» [18, с. 156], так и взаимоотношения между селами исторически могли бы не сложиться по различным причинам [18, с. 226]. Городских жителей, более свободно относящихся к правилам в одежды и поведения, ориентированых на учебу, карьеру, знания различных наук, языков, в том числе русского, в селе называют высокомерными, требующим исправления их «одежды, г1амал [характера]» [18, с. 156]

Пейзаж и описание горного села, наделенные приметами современности (автомобильная дорога, проведен водопровод, налажена коммуникация с внешним миром и т. п.), несут значительную смысловую нагрузку: здесь по-прежнему жива древняя история, которую помнят люди, дома, которые пахнут «ветхостью, […] своей историей» [18, с. 191]. По мере развития сюжета, художественный мир произведения расширяется, в него включаются все новые места и люди. Однако преступник, которого герои ищут на протяжении восьми лет, все равно окажется неразрывно связанным с прошлым села и местными обычаями.

Кинематографичность и отсылки к популярным текстам современности являются способом характеристики главного героя, 22-летнего Арсена Абдулкеримова, старающегося стать профессиональным журналистом и сравнивающего себя с популярными в массовой культуре образами «задумчивого курящего мужика», «классического детектива в плаще» [18, с. 12] и т. д.

Наряду с этим, И. Ханипаев насыщает текст произведения многочисленными реалиями современности: *образами* Джеймса Бонда, Шерлока Холмса, Брюса

Ли, Агаты Кристи, Трумена Капоте [18, с. 40, 84, 138, 139]; компаний Марвел, Голливуд [18, с. 139, 72]; популярных книг (Бойцовский клуб [18, с. 72]), сериалов («Во все тяжкие» [18, с. 189]), социальных сетей (VK, Одноклассники [18, с. 173]) и т. д.

Немаловажную роль в романе играет традиционный мотив Сна, к которому писатель обращается в связи с мотивом возращения героя в прошлое в попытке изменить трагическое настоящее: «удастся оказаться на месте преступления за полчаса до того, как оно случится. Я успею предупредить Хабиба и его дочерей, а потом сделать то, что должен, – убить убийцу» [18, с. 46].

Семантический компонент визуальности присутствует и в самой образности названия романа: в присутствующие рядом на протяжении всего сюжета холодные, равнодушно-враждебные глаза убийцы, символизирующие и холодную природу Кавказа, и враждебность местных жителей, для которых герои останутся чужаками, и судебную систему, и национальную раздробленность республики, противоречия между прошлым и будущим, и смерть жертв убийцы, – главный герой получает возможность заглянуть лишь в финале произведения и раскрыть для себя различие между обычным человеком и убийцей.

Наряду с этим в начале романа, являющегося на данный момент популярным произведением автора, оговаривается, что произведение является «в первую очередь книгой, а не справочником по Дагестану» [18, с. 5]. В нем раскрываются особенности культуры народов Северного Кавказа, отражаются процессы современного Дагестана, описываются детали аварской *культуры* и быта, *обычаев*; *религиозных образов* («Аллагъ» [18, с. 100], суд которого «единственный, который имеет значение» [18, с. 297]; «шайтан» [18, с. 100]; неверующих людей «кафиров» [18, с. 251]), *канонов и обрядов* (*омовения* перед молитвой [18, с. 151]; молитвы «*намаз*» [18, с. 151]; мусульманского бракосочетания («*никях*» [18, с. 215]), «до которого мужчина за женщину не в ответе» [18, с. 214]; примирения («*мастимат*» [18, с. 184]), *развода* [18, с. 296], при котором должны защищаться права ребенка («Не ущемляйте друг друга в правах. Помните о том, что у вас есть ребенок и вы оба нужны ему одинаково» [18, с. 287]), а мать «не имеет права запрещать ребенку видеться с отцом» [18, с. 297]; организации *похорон*, куда «как правило, приходят сотни родственников, знакомых, знакомые знакомых» [18, с. 286]; установления могильного камня («*къадар*» [18, с. 251]); чтения *заупокойной молитвы* за умершего [18, с. 304], милостыни «*садака*», в характеристике которой автор отсылает читателя к религиозному правилу о том, что осуществлять надо так, «чтобы одна рука не знала, что делает другая» [18, с. 185] и т. д.

Наряду с этим автор изображает и актуальные проблемы плохого знания молодежью значений и особенностей правил и норм традиционного общества, поверхностного знания основ обрядов и ритуалов, религиозной практики. Главный герой – «не самый религиозный человек», но склонный к «суеверности», собираясь в дорогу из села в город по «одной из худших дорог республики, засыпанной снегом, с многокилометровыми лавиноопасными участками», решает посетить мечеть, «выбирая между смертью после молитвы и смертью без молитвы» [18, с. 150–151]. Входя в мечеть, Арсен руководствуется одним правилом: «с каменным лицом делай все как все» [18, с. 151].

Кроме того, И. И. Ханипаев раскрывает читателю и особенности общественного устройства родного Дагестана, выявляя как отдельные *образы* («имама», «старейшины» [18, с. 184, 185] и др.), так и общественные круги, связи человека: кровной связи («*тухум*» [18, с. 146]); конфессиональной общности («*джа-*

маат»), которая в праве принимать решение о возможности проживания человека в селе («джамаат селá сказал, чтобы я тут больше не жил. Я теперь живу в другом месте…» [18, с. 103]); *рода* (у каждого человека «свой род, свои старшие уважаемые люди» [18, с. 146])» и коллективной родовой ответственности («Твоим детям носить твою папаху и твои долги» [18, с. 81]). Таким образом национальная идея родовой принадлежности, преемственности, коллективной ответственности определяет жизнь дагестанцев, даже тех, кто уже практически оторвался от своих корней.

В романе нашло отражение и особенности эмоционального *поведения,* импульсивности, *менталитета* народов Дагестана: «ругань и крики, скорее, просто спор или свойственный многим дагестанцам шумный разговор в передачей всевозможных эмоций через громкость речи, удары кулаком по столу и тяжело произносимые непереводимые горские слова паразиты» [18, с. 80], «местные любят покричать друг на друга, поругаться, иногда даже подраться, а потом все дружно идут на пятничный намаз, как ни в чем не бывало» [18, с. 143] т.п.

Вызывает интерес речь героев произведения: с одной стороны, она насыщена реалиями жизни республики: традиционными *устойчивыми обращениями и выражениями* («Ассаламалайкум» [18, с. 77], «Астахфируллагъ» [Прости меня, Аллах] [18, с. 87, 165], «Ин ша Аллагь» [18, с. 141] и т.д.), с другой включает современный *сленг* («лайки-шмайки» [18, с. 121], «кайфарик» [18, с. 148], «жи есть» [18, с. 154], «хо» [18, с. 176], «чай-май» [18, с. 365], «ле» [18, с. 77] и т.д.), *ненормативную лексику*, к которой, по словам автора, он вынужден обращаться как к «важному инструменту достоверности», обещая избавиться от него, «сразу после того, как от него избавятся [современники] в речи» [18, с. 5].

Особое внимание уделяется автором процессам ассимиляции и доминирования русской культуры и языка, проникновения в язык заимствований, англицизмов. В романе поднимаются злободневные проблемы разрыва семейных, родственных связей, утраты обычаев и традиций, сохраняющихся лишь в отдаленных селениях, а молодежь, стремящаяся к социальному и финансовому благополучию, изучая русский и европейские языки, но при этом плохо знает родной (аварский) язык («– “Балахе” значит “смотри”. А он тебе сказал “валахе”. Это не то же самое. – А что это значит? – спросил я. – “Дуцаго валахе”. Через В – значит, сам ищи кого-то. Человека, мужского пола, – разъяснил мне Заур тонкости аварского языка”» [18, с. 365]). Герой произведения утверждает, что, «наполовину аварец, и, хотя и не знаю языка, в целом могу определить и более-менее понять его», а понимание им аварской речи соответственно отражено в тексте графически («я понял это так: “Смотри, ***** ***** люди ***** ******. Что им ******?”» [18, с. 81]).

Таким образом, в художественной системе русскоязычных детективных романов татарского писателя Ш. Ш. Идиатуллина и аварца И. И. Ханипаева, значимое место приобретают обнаруживаемые художественные черты современной российской литературы (историзм, фабульность, фотографичность, визуализация, аллюзии и т. д.). Наряду с этим в написанных на русском языке произведениях находят широкое отражение национальная культура, быт, традиционные вещи, вещный мир [19, с. 209], религиозные воззрения, обряды и каноны, особенности менталитета, общественного устройства, а также поднимаются острые вопросы национальной культуры, процессы ассимиляции, большого количества заимствований в речи, разрыва между поколениями, плохого знания молодежью национальной культуры, родного языка и особенностей правил и норм, традиционных обрядов и ритуалов народов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гучетль З. Х., Жажиева Р. С.* Парадигмы адыгейского детективного жанра // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.4/2810/guchetl2013_4.pdf (дата обращения: 09.11.2024).
2. *Ашурбеков А. А.* Система персонажей повести Г. Алимурадова «След преступника» // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (32). С. 21–25.
3. *Галиуллин Р. Р.* Эволюция детектива в татарской литературе: дис. … канд. филол. наук. Казань, 2007.
4. *Колядич Т. М.* Современная национальная русскоязычная литература в литературном контексте XXI века (на примере творчества русскоязычных писателей Республики Татарстан) // Наука и школа. 2019. № 3. С. 23–30.
5. *Аминева В. Р., Нагуманова Э. Ф., Хабибуллина А. З.* Марийская мифология и «поэтика необычайного» в романе Ш. Идиатуллина «Последнее время» // Вестник угроведения. 2024. Т. 14, № 2 (57). С. 219–229.
6. *Шаряфетдинов Р. Х., Сафина Л. М.* Образ ребенка в романе «Убыр» Ш. Идиатуллина // Мировая словесность для детей и о детях. Вып. 27. С. 69–74.
7. *Набиуллина А. Н.* Феномен транскультурации в современной русскоязычной прозе (на материале произведений И. Абузярова, Г. Яхиной, Ш. Идиатуллина, А. Хаирова): дис. … канд. филол. наук. Казань, 2023. 211 с.
8. *Сырысева Д. Ю.* Магический реализм в русскоязычной прозе современных татарских писателей: дис. … канд. филол. наук. М., 2023. 283 с.
9. *Колядич Т. М.* Мотивы преступления, вины и наказания в романе Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2018. Т. 23, № 3. С. 284–292. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-3-284-292.
10. *Колядич Т. М.* Картина мира в романах Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» и «Улица Ленина» // Наука и школа. 2020. № 6. С. 11–19.
11. *Мартьянова И. А.* Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) // Вестн. Челябинского гос. пед. ун-та. 2017. № 1. С. 136–141.
12. *Идиатуллин Ш. Ш.* До февраля. М.: Редакция Елены Шубиной, 2023. 506 с.
13. *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2000. Т. 1. 672 с.
15. *Алтынбаева Г. М.* Художественное и документальное в прозе поколения «тридцатилетних» // Филология и культура. 2023. № 2 (72). С. 104–110.
16. *Битокова М. В.* Ислам Ханипаев: игра в классики и жанровые эксперименты // Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Нальчик, 01–30 ноября 2023. Нальчик, 2024. С. 109–112.
17. *Леднева Д.* Посмотреть в глаза и увидеть правду // Знамя. 2023. № 9. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2023/9/posmotret-v-glaza-i-uvidet-pravdu.html (дата обращения: 08.01.2024).
18. *Ханипаев И. И.* Холодные глаза. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 512 с.
19. *Галимуллина А. Ф.* Поэтика вещи в творчестве современных татарских поэтов как воплощение национального культурного кода // Бюлл. Калмыцкого науч. центра РАН. 2024. № 1. С. 209–221.

REFERENCES

1. Guchetl Z. Kh., Zhazhieva R. S. Paradigmy adygeyskogo detektivnogo zhanra. *Vestn. Adygeyskogo gos. un-ta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie.* 2013, No. 4. *Available at:* http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.4/2810/guchetl2013_4.pdf (accessed: 09.11.2024).
2. Ashurbekov A. A. Sistema personazhey povesti G. Alimuradova “Sled prestupnika”. *Izvestiya DGPU. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki.* 2015, No. 3 (32), pp. 21–25.
3. Galiullin R. R. Evolyutsiya detektiva v tatarskoy literature. *PhD dissertation (Philology).* Kazan, 2007.

4. Kolyadich T. M. Sovremennaya natsionalnaya russkoyazychnaya literatura v literaturnom kontekste XXI veka (na primere tvorchestva russkoyazychnykh pisateley Respubliki Tatarstan). *Nauka i shkola.* 2019, No. 3, pp. 23–30.
5. Amineva V. R., Nagumanova E. F., Khabibullina A. Z. Mariyskaya mifologiya i “poetika neobychaynogo” v romane Sh. Idiatullina “Poslednee vremya”. *Vestnik ugrovedeniya.* 2024, Vol. 14, No. 2 (57), pp. 219–229.
6. Sharyafetdinov R. Kh., Safina L. M. Obraz rebenka v romane “Ubyr” Sh. Idiatullina. In: Mirovaya slovesnost dlya detey i o detyakh. Iss. 27, pp. 69–74.
7. Nabiullina A. N. Fenomen transkulturatsii v sovremennoy russkoyazychnoy proze (na materiale proizvedeniy I. Abuzyarova, G. Yakhinoy, Sh. Idiatullina, A. Khairova). *PhD dissertation (Philology).* Kazan, 2023. 211 p.
8. Syryseva D. Yu. Magicheskiy realizm v russkoyazychnoy proze sovremennykh tatarskikh pisateley. *PhD dissertation (Philology).* Moscow, 2023. 283 p.
9. Kolyadich T. M. Motivy prestupleniya, viny i nakazaniya v romane Sh. Idiatullina “Gorod Brezhnev”. *Vestnik RUDN. Ser.: Literaturovedenie, zhurnalistika.* 2018, Vol. 23, No. 3, pp. 284–292. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-3-284-292.
10. Kolyadich T. M. Kartina mira v romanakh Sh. Idiatullina “Gorod Brezhnev” i “Ulitsa Lenina”. *Nauka i shkola.* 2020, No. 6, pp. 11–19.
11. Martyanova I. A. Kinematografichnost literaturnogo teksta (na materiale sovremennoy russkoy prozy). *Vestn. Chelyabinskogo gos. ped. un-ta.* 2017, No. 1, pp. 136–141.
12. Idiatullin Sh. Sh. *Do fevralya.* Moscow: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2023. 506 p.
13. Cirlot J. E. *Slovar simvolov.* Moscow: REFL-book, 1994. 608 p. (In Russian)
14. Mify narodov mira. Entsiklopediya. In 2 vols. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow, 2000. Vol. 1. 672 p.
15. Altynbaeva G. M. Khudozhestvennoe i dokumentalnoe v proze pokoleniya “tridtsatiletnikh”. *Filologiya i kultura.* 2023, No. 2 (72), pp. 104–110.
16. Bitokova M. V. Islam Khanipaev: igra v klassiki i zhanrovye eksperimenty. In: Paradigma sovremennoy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya: traditsii i perspektivy. *Proceedings of the II All-Russian scientific-practical conference with international participation, Nalchik, 01–30 Nov. 2023.* Nalchik, 2024.Pp. 109–112.
17. Ledneva D. Posmotret v glaza i uvidet pravdu. *Znamya.* 2023, No. 9. *Available at:* https://magazines.gorky.media/znamia/2023/9/posmotret-v-glaza-i-uvidet-pravdu.html (accessed: 08.01.2024).
18. Khanipaev I. I. *Kholodnye glaza.* Moscow: Alpina non-fikshn, 2022. 512 p.
19. Galimullina A. F. Poetika veshchi v tvorchestve sovremennykh tatarskikh poehtov kak voploshchenie natsionalnogo kulturnogo koda. *Byull. Kalmytskogo nauch. tsentra RAN.* 2024, No. 1, pp. 209–221.

Шаряфетдинов Рамиль Хайдярович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Sharyafetdinov Ramil Kh., PhD in Philology, Associate Professor, Assistant Professor, Russian Literature Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 11.11.2024
The article was received on 11.11.2024